

0-773211

На правах рукописи

МЕРКУШОВ Станислав Федорович

**СЕРИЯ РОМАНОВ Д. М. БАЛАШОВА
«ГОСУДАРИ МОСКОВСКИЕ»
КАК ЦИКЛ**

Специальность 10.01.01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тверь 2008

Работа выполнена в Тверском государственном университете на кафедре русской литературы XX-XXI вв.

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор
Тверского государственного университета
Людмила Николаевна Скаковская

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор,
ведущий сотрудник ИМЛИ РАН
Алла Юрьевна Большакова

кандидат филологических наук, доцент
Тверского государственного университета
Сергей Владимирович Глушков

Ведущая организация

Литературный институт им. М. Горького

Защита состоится «18» ноября 2008 г. в «13» часов на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: 170002, пр. Чайковского, 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского, 44а.

Автореферат разослан «17» октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С. Ю. Николаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Интерес к жанру исторического романа вообще и к творчеству Дмитрия Балашова в частности в последнее время возрастает. Такой интерес к прошлому является реакцией на традиционную историографию. Писатели, в том числе и Д. Балашов, стремятся сами расследовать прошлое, выдвигают свои версии исторических событий. Наблюдается интерес не просто к истории, а к новым интерпретациям ее. За 1980-2000-е было защищено несколько диссертационных работ, посвященных как проблемам этого жанра, так и конкретно произведениям Балашова (С. М. Исуповой, Ю. С. Райнеке, А. В. Макрушина, Д. В. Польш и др.). Однако не будем обманываться, полагая, что творчество Дмитрия Балашова, создавшего за полвека массу великолепных художественных и научных произведений, достаточно изучено. **Актуальность работы** вызвана именно необходимостью комплексного анализа произведений Д. М. Балашова. Несмотря на то, что вскоре после трагической гибели художника стали проводиться ежегодные Балашовские чтения, и на одном из них этот писатель был назван «историческим воспитателем»¹ русского народа, по сей день не издано ни одной монографии (не считая диссертаций²), посвященной его личности и книгам. Большинство научных работ, посвященных творчеству Д. М. Балашова, вышло в свет в конце 1970-х – середине 1990-х гг. (статьи Ю. Болдырева, А. Казинцева, З. Тарланова, Н. Серовой, М. Жанузакова и др.³). Содержание статей, на наш взгляд, не в полной мере отражает особенности текстов Д. М. Балашова.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней мы исследуем все романы Дмитрия Балашова серии «Государи московские», включая незаконченный роман «Юрий» с учетом характерных черт поэтики. Кроме того, в ней впервые предпринимается попытка проанализировать многокнижие Балашова с целью практического доказательства того, что данная серия романов представляет собой цикл. В работе проводится сравнительно-типологический анализ всех романов серии «Государи московские», определяется место этого свода в контексте исторической прозы XX века, исследуется поэтика данных произведений как цикла. Представляется, что данная диссертация может внести свой вклад в изучение творчества романиста и найти практическое применение не только в среде деятелей науки и культуры, но и вообще, среди интересующихся исторической литературой.

Каждый исторический роман имеет определенные индивидуальные черты - это обусловлено и своеобразием творческого метода автора, и изменениями, привнесенными соответствующей эпохой. Но есть и общие особенности, присущие всем произведениям данного жанра. То же самое можно сказать и о произведениях Д. Балашова, входящих в многокнижие «Государи московские». Каждый роман цикла самобытен, но в то же время он существует в контексте свода в целом и потому несет в себе общие черты, характерные для всех романов. Поэтому **предметом** исследования является совокупность книг «Государей московских» и в то же время каждый роман серии.

¹ Субетто А. И. Дмитрий Михайлович Балашов как «исторический воспитатель» русского народа (доклад на четвертых Балашовских чтениях), В.- Новгород, 2004, 3 ноября.

² Макрушин А. В. Автореферат кандидатской диссертации «Сергий Радонежский и его время в творчестве Д. М. Балашова. Традиции, стиль, поэтика». Тверь, 1998, и др.

³ См., Болдырев Ю. Дух эпохи // Литературная Россия. 1982. 26 марта. С. 18.; Тарланов З. Художественное постижение // Север. 1986. №4. С. 100-110.; Серова Н. Два Дмитрия: романый и летописный // Север. 1993. №8.; Жанузаков М. Пути создания художественной целостности в цикле романов Д. Балашова «Государи Московские» // Филологические науки. 1995. №4.

В своей работе мы опираемся на научные труды о жанре и циклизации в литературе (М. М. Бахтин⁴, Ю. М. Лотман⁵, И. В. Фоменко⁶), об историческом романе (С. М. Петров⁷, С. А. Орлов⁸).

Основной метод исследования – системный анализ сюжета, композиционных особенностей, характерологии, пейзажа, стиля, языка – требует также вспомогательных: сравнительно-типологического и историко-генетического.

Цель данной работы – обоснование того, что романы «Государей московских», взятые в совокупности, образуют цикл.

В соответствии с ней ставятся основные задачи исследования:

- определить место и роль романов Балашова в контексте исторической прозы XX века
- выявить критерии художественного единства романов
- обозначить идейно-тематические связи цикла «Государи московские»
- охарактеризовать «сквозных» героев произведений
- рассмотреть приметы изображаемой эпохи (явления русской средневековой культуры, фольклор и т. д.)
- проанализировать хронотоп, лексический и эмоциональный уровни содержания

На защиту выносятся следующие положения:

- На основе особенностей многокнижия «Государи московские» и признаков цикла исторических романов, выделенных М. Н. Жанузаковым, в диссертации выявлены циклообразующие связи этих произведений:

1. Идейно-тематическая связь. Тема собирания земель вокруг Москвы, укрепления Московского государства, идея национальной спаянности определяет все остальные критерии художественного единства романов Балашова, первым из которых является наличие «сквозных» героев.

2. «Сквозные» герои. Писатель не ставит себе задачи проследить становление характера, хотя этот момент тоже находится в зоне его внимания. «Сквозные» герои привлекают его в большей степени как строители Государства, по «Домострою» – строители Дома-государства. Социальный, государственный статус русских князей интересует Д. М. Балашова. При изображении «сквозных» героев, представленных основными историческими лицами, Д. М. Балашов пользуется едиными художественными приемами.

3. Единство пространства и времени. Балашов изображает переломный этап русской истории, этап создания единого Русского государства, по М. Бахтину – «пороговый» этап. Место действия всех романов серии – часть Европы и Азии, масштабность авторской исторической мысли освобождает пространство повествования от локальных топосов, тематика произведений укрупняет пространство. Особенностью хронотопа «Государей московских» является совмещение в рамках единого текста двух временных пластов: историко-сюжетного и современно-авторского (авторские отступления). Явления материальной и духовной культуры средневековья в произведениях цикла представляются как средоточие исторического опыта нации. Писатель знакомит читателя с наиболее яркими культурными реалиями периода, о котором ведется рассказ.

⁴ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Литературно-критические статьи. М., 1988 и др.

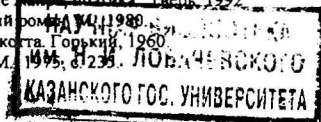
⁵ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1986; Избранные статьи: В 4 т. М., 1992.

⁶ Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992.

⁷ Петров С. М. Русский советский исторический роман. Горький, 1960.

⁸ Орлов С. А. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький, 1960.

⁹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

4. Лексико-стилистические средства. Балашов отчетливо понимал, что процесс создания единого русского языка подчинен процессу собирания русских земель. Романная лексика классифицирована в работе по типологическим признакам.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в нем уточняются некоторые моменты, связанные с циклизацией прозаических произведений, и обосновывается, что совокупность романов Д. М. Балашова серии «Государи московские» представляет собой цикл. Полученные результаты могут быть учтены при дальнейшем изучении творчества писателя.

Практическая значимость результатов работы заключается в том, что содержащиеся в ней наблюдения могут быть использованы в общих и специальных курсах, а также в учебных пособиях по истории русской литературы XX – XXI веков.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации были представлены и обсуждены на различных конференциях и семинарах, в частности, в рамках ежегодных научных конференций, проходящих на филологическом факультете ТГУ, на конференциях «Русский язык и литература в современном культурном, информационном и образовательном пространстве» (г. Тверь, ТГУ), «Русское литературоведение на современном этапе» (г. Москва, МГГУ им. М. А. Шолохова). По теме диссертации опубликовано пять научных статей.

Структура работы подчинена логике ее содержания. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **ВВЕДЕНИИ** дается характеристика исторического романа как жанровой структуры, проводится обзор исследований, посвященных творчеству Д. М. Балашова, обосновывается выбор темы, ее актуальность и новизна, формулируются цель исследования и его задачи, характеризуются основные теоретические и методологические принципы, обосновывается композиция работы.

В **ПЕРВОЙ ГЛАВЕ** диссертации *Романы Д. М. Балашова в контексте русской исторической прозы XX века* определяется понятие цикла и обозначается место и роль балашовского многокнижия в контексте русской исторической прозы XX века. Кроме того, в настоящей главе выявлены циклообразующие связи многокнижия. При анализе функционирования произведений серии в контексте русской исторической прозы XX века характеризуются их особенности с целью выявления признаков данного цикла.

Понятие «цикл» было введено в начале XX века В. Брюсовым. Циклу как литературной форме посвящали свои исследования Б. М. Эйхенбаум, А. С. Янушкевич¹⁰. В 1950-е годы и далее циклизация стихотворных и прозаических текстов стала предметом специального внимания. Сильное влияние на изучение прозаических циклов оказала теория лирических циклов. Существуют читательские и авторские циклы. Авторский прозаический цикл представляет собой систему особым образом организованных относительно друг друга элементов. Е. Афонина предлагает воспринимать авторский прозаический цикл как единый текст, а не как группу текстов¹¹. По мысли Е. Афоной, главной чертой единства является полицентричность – множественность повествовательных центров¹². Существует два типа полицентричной картины мира: первый тип реализуется в цикле, каждый эпизод которого обладает замкнутой системой персонажей, то есть в цикле, где нет сквозных персонажей (замкнутые микромиры со своими героями – «система систем»). Яркими литературными примерами этого типа являются «Повести Белкина» А. С. Пушкина и

¹⁰ Эйхенбаум Б. М. Русская беллетристика 20-30-х гг. XIX в. // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Сб. ст. / сост. и подгот. текста И. Ямпольского. М., 1969, с. 45-68.

¹¹ См., Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла... Дис. канд. наук. Тверь, 2005.

¹² Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла... Дис. канд. наук. Тверь, 2005, с. 117.

«Темные аллеи» И. А. Бунина. Второй тип – со «сквозными» персонажами («Золотой осел» Апулея).

Цикл как жанровое образование возникает тогда, когда цикличность воспринимается как особая художественная возможность: каждое произведение, входящее в цикл, может существовать как самостоятельная художественная единица, но, будучи извлеченной из него, теряет часть своей эстетической значимости; художественный смысл цикла не сводится только к совокупности смыслов отдельных произведений, его составляющих.

По мысли М. Н. Жанузакова, которую он высказал в своей работе о произведениях Д. Балашова, цикл исторических романов это «жанровое образование, состоящее из нескольких автономных частей, которые связаны между собой идейно-эмоциональным строем содержания, проблемно-тематической и сюжетно-композиционной основой, наличием общих, сквозных действующих лиц, близостью художественно-исторического пространства и времени»¹³.

Русские писатели-историки попробовали свои силы в создании связанного многотомного произведения в двадцатом веке (Д. С. Мережковский «Христос и антихрист», «Царство зверя», «Отец и сын»; Ю. Н. Тынянов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин»). Вот почему особое внимание заслуживает опыт Д. М. Балашова «Государи Московские», который включает десять романов: «Младший сын» (1975), «Великий стол» (1979), «Бремя власти» (1981), «Симеон Гордый» (1983), «Ветер времени» (1987), «Отречение» (1988), «Похвала Сергию» (1990), «Святая Русь» (1993), «Воля и власть» (1999), «Юрий» (2000).

После краткой характеристики этапов развития исторической художественной литературы в России в XX веке (исторический роман Серебряного века, связи исторической прозы с литературой социалистического реализма, историческая тема в годы Великой Отечественной войны, исторические произведения рубежа 60-70-х годов) мы касаемся особенностей непосредственно произведений Д. М. Балашова.

Д. М. Балашов с самого начала своего творческого пути выступил как писатель-историк, стремящийся через изображение прошлого понять настоящее. Признанный мастер исторического романа А. Н. Толстой, говоря о специфике работы над жанром, считал обязательным условием «вхождение в историю через современность»¹⁴. В этом направлении работает и автор «Государей Московских». Балашов воссоздаёт связь времён, в своих отступлениях сталкивая исторические реалии с современностью. Писатель именно в древнем обнаруживает непреходящие ценности, продолжающие оставаться мерилем человеческого поведения. Конец XX века, 1980-1990-е годы явились переломными для России («перестройка», путч, крушение СССР, события 1993 года). Именно в этот период огромное значение получила идея собирания страны, идея национального единения. И понятно, что исторический слом, сдвиг всегда возвращают писателя к истокам своей истории. Как Л. Н. Толстой обращается к исторической эпохе, «славной эпохе» 1812 года, чтобы резко оттенить бездуховность и идеологический разброд современного ему общества пореформенного времени, так и Д. М. Балашов обращается ко времени создания единого Русского государства по тем же причинам. Идея национальной спаянности России, проверка ее на прочность (быть русскому народу или не быть, быть России как независимому государству или не быть) сближает эпос Балашова с толстовским.

Прошлое, настоящее и будущее связаны в романах Балашова органически. Писатель воссоздает движение исторического времени, чтобы глубже понять качественные изменения сегодняшнего дня.

¹³ См., Жанузаков М. Н. Пути создания художественной целостности в цикле романов Д. Балашова «Государи Московские» // Филологические науки. 1995. № 4.

¹⁴ Толстой А. Н. Марксизм обогатил искусство // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1961, т. 10, с. 203.

Временной отрезок русской истории, изображаемый в произведениях Д. М. Балашова – конец XIII – начало XV вв. – важнейший период в создании и укреплении Московского государства, период национального подъема. По словам автора, «Если бы идея служения Родине не являлась главной для людей той поры, не было бы России»¹⁵.

Цикл «Государи московские» – это, несомненно, глубоко самобытное художественное произведение и по замыслу, и по исполнению. Во-первых, в его основе лежит оригинальная концепция исторического становления России, простирающаяся из пассионарной теории этногенеза Льва Гумилева. Потому конец XIII и XIV-XV вв. закономерно рассматриваются Д. М. Балашовым не как продолжение развития Киевской Русской Земли, а как время ее окончательного крушения и одновременно создания на основе этих обломков совершенно новой культуры и государственности – Московской Руси. Во-вторых, такой взгляд на русскую историю XIII-XIV-XV вв. заставляет автора целиком переосмыслить и роль монголов, отказаться от самого предвзятого, по мысли Л. Гумилева (Гумилев Л. Н. *Бремя таланта* // Балашов Д. М. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. Младший сын – М., 1991), мифа в отечественной истории – мифа о «монголо-татарском иге», о «России – спасительнице Западной Европы, заслонившей от диких орд цивилизованные страны». В-третьих, в основу изложения русской истории XIII-XV вв. писателем положен строгий хронологический принцип. Отсутствие временных лагун в его рассказе придает масштабность историческому циклу, определяет его значительный объем.

Явления материальной и духовной культуры представлены в произведениях широко и многогранно (произведения литературы, иконопись, архитектура). В повествование романов Балашовым вкрапливаются фрагменты произведений древней русской и переводной литературы. Неспешный рассказ автора еще более замедляется ретардирующими моментами, рассуждениями о глубинной сути иконописи, церковной архитектуры. А. М. Любомулов¹⁶ верно заметил, что писатель, опираясь на труды историка средневековой культуры Г. М. Прохорова, показывает сущность общественно-культурного движения исихазма, зародившегося в Византии и сыгравшего огромную роль в судьбах России.

Книги Балашова погружают читателя в огромный массив средневековой историко-философской мысли. В спорах персонажей, в размышлениях автора сталкиваются, противостоят различные философские взгляды, богословские представления.

Будучи талантливым писателем и филологом-профессионалом, Д. М. Балашов «превращает язык своих романов в гибкий инструмент для передачи духа и понятий эпохи»¹⁷. Используя древнерусские грамматические формы и лексику, а также диалектизмы, автор передает характерную речь различных сословий средневековой Руси.

В структуру произведений входит образ повествователя со своей системой взглядов и убеждений. Объективированные эпические модели повествования перемежаются в романах с авторскими отступлениями. Автор занимает субъективно-оценочную позицию, открыто выражая свою точку зрения на те или иные жизненные реалии как современности, так и исторической эпохи, о которой ведется рассказ, дает непосредственную, прямую оценку историческим деятелям и их деяниям, приводит по необходимости научные и географические сведения.

Широко и свободно вводя фольклорные мотивы в повествование, Балашов придает им важные нравственно-эстетические функции. Фольклор помогает писателю

¹⁵ «Засевай ниву душ человеческих». Беседу вел Вячеслав Калмыков // Книжное обозрение. 1988. 20 мая, (№21). С. 8.

¹⁶ См., Русские писатели, XX в. Библиографический словарь в 2 ч. Ч. 1/ редкол. Н. А. Грознова и др.; под ред. Н. Н. Скатова. М., 1998, с. 126-128.

¹⁷ Там же, с. 126-128.

воссоздать дух изображаемой эпохи, обрисовать внешний и внутренний облик героев, иногда приобретает некоторое сюжетно-композиционное значение.

Таким образом, прием ретроспекции порождает у Балашова прием проспекции. Это обосновывает большую временную протяженность серии и огромное пространство. Масштабность исторического мышления Д. М. Балашова обуславливает масштабность эпического повествования и характерологии. Каждый роман «Государей московских» при всей завершенности является частью целого, и общий смысл труда писателя становится до конца ясен в границах цикла. В результате происходит смысловое наращивание романов цикла и главным циклообразующим фактором многокнижия «Государи московские» становится *идейно-тематическая связь*.

Воссоздать образы «сквозных» героев - правителей было для писателя трудно, так как их личности во многом легендарны и мифологизированы, а он пытался разрушить стереотипные представления о них и вообще о средневековой Руси. Потому автор «Государей московских», как и многие русские писатели, обращается к фольклору как средству изображения характера, к описанию примет той эпохи и т. д. Личности русских князей Балашов стремится показать в динамике, что обусловлено их гигантской государственной целью. В «Домострое», на сведения которого в числе других опирается Балашов, государь называется «Создателем Отечества», домостроителем, отцом для своих подданных. Главная государственная задача в высшей степени соотносилась тогда с нравственно-этической, которую выполняла Русская православная церковь.

Единство пространства и времени получает важную циклообразующую роль, — придает художественную целостность циклу «Государи московские». Балашов рисует панорамные пейзажи, приводит общие приметы городского пейзажа. Это тем более закономерно, так как средневековый русский город — это город-княжество. Подобно античному полису, он выстроен по общему государственному принципу.

Одним из средств сплочения русских людей является единый русский язык. Потому и цикл романов «Государи московские» создается за счет специфических *лексико-стилистических средств*.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ГЛАВЫ являются концептуальным центром работы. В них обосновывается положение о том, что хроника Дмитрия Балашова о московских правителях представляет собой цикл, монолитный свод, художественное единство. Это положение аргументируется подробным анализом поэтики романов многокнижия на базе критериев, выявленных в первой главе.

ВТОРАЯ ГЛАВА *Идейно-тематические связи и характерология «Государей московских»* посвящена анализу идейно-тематических связей и характерологии романов как основных циклообразующих факторов.

Единая для всех романов идейно-тематическая канва — создание и укрепление Московской Руси. Все действия «пассионариев», показанных в романах, направлены на это (обустройство Москвы Даниилом, «зодчество» (в разных смыслах) Ивана Калиты, сбор сил для Куликовской битвы Симеоном и митрополитом Алексием, подчинение Суздальско-Нижегородского и Тверского княжеств Москве, защита Руси от католической экспансии Литвы и т. д.)

Один из факторов, заставивший Д. М. Балашова создавать многокнижие «Государи Московские» — особые свойства людей того времени, а также свойства эпохи самого писателя, о которых мы говорили ранее: «Это были люди действия, обострённо осознававшие себя частицей своего народа — в любых, самых безнадежных ситуациях... То, что роднит моих героев между собой (любых сословий) — высшая степень способности к соборному деянию...»¹⁸.

Автор рисует многоцветную картину жизни самых разных сословий. В сословном ряду ратников (Михалко и его сын Федор Михалкич («Младший сын»)), внук

¹⁸ Балашов Дмитрий. Всегда в окружении фактов // Литературная газета. 1987. №41. С. 5.

Михалки и сын Федора Мишук («Великий стол») и т. д.) Д. М. Балашов видит основу мощи будущей России, поскольку благодаря их усилиям стоят и торговые города, и богословские споры, и великокняжеская власть.

Изображение более высокого служилого сословия Руси - бояр - представляет в цикле «Государи московские» самостоятельную сюжетную линию. Все лица (Протасий Вельямин, его сын Василий Протасьич и др.) - держатели «тысяцкого», то есть верховного главнокомандования вооруженными силами Московского княжества. В борьбе за это «бремя власти» им противостоят «бояре - рязанские находники», перебежавшие к князю Даниле Александровичу от рязанского князя Константина Васильевича - Петр Босоволк и его сын Алексей Петрович Хвост-Босоволков. Точно так же в борьбе за «бремя власти» противостоят друг другу и две генеалогические княжеские линии. Московская линия - это князья Даниил Александрович, сын Александра Ярославича Невского («Младший сын»), сын Даниила - Юрий («Великий стол»), брат Юрия Московского - Иван Калита («Бремя власти»), сын Ивана - Симеон Гордый («Симеон Гордый»), и др. Среди тверских князей на страницах цикла мы видим Святослава Ярославича и его сына Михаила Тверского, их потомков князей Дмитрия Грозные Очи, Александра Михайловича и Михаила Александровича. Проследивает писатель и смену духовной власти на Руси. Занимающие митрополичий престол Кирилл, Максим, Петр, Феогност и Алексей, пожалуй, принадлежат к числу любимых и наиболее удачно воссозданных автором литературных образов, которые моделируются в соответствии с историческими прототипами.

Итак, всё многокнижие задумывалось как художественная летопись Московской Руси. В нём воспроизводится процесс формирования нового государства, начиная с момента появления Москвы до превращения её в центр северо-восточной Руси. Отдельные части эпоса сцеплены идейно-тематической общностью, выражающейся в наличии сквозных действующих лиц, художественного исследования родословной героев на протяжении нескольких поколений. Писатель использует прием опосредованной, отстраненной по отношению к нему характеристики героев, прием акцентирования доминантной детали в облике героя, а также прием контраста. Мы постарались обнаружить, каким образом эти приемы эксплицируются в произведениях Д. М. Балашова.

Портреты «сквозных» героев даются в развитии. Проследивается динамика характеров, воссозданная через портрет, костюм, повторяющиеся детали.

Из суммы портретных деталей складывается полный портрет того или иного героя. С их помощью читатель сам представляет себе его облик. Многие читатель черпает и из поведенческих характеристик и особенностей речи. Как было сказано ранее, Д. Балашова интересует в первую очередь социальный статус главного героя как государя, собирателя земель, отца для своих подданных. Детали костюма князя, как и портретные, выполняют психологическую функцию. Они выявляют стремление правителя к тому, чтобы подчеркнуть свой княжеский статус. Необходимость передачи колорита эпохи также играет здесь большую роль. Речь героя обуславливается возрастными чертами, собственно княжеским положением, настроением.

Жизненные пути основных действующих лиц цикла изображаются на протяжении нескольких романов (напр., Юрий - на протяжении двух, Калита - трех, Алексей, Сергей - восьми), но в художественном изображении персонажей автор пользуется теми же приемами, что и в первом произведении. Д. Балашов обращает внимание на внешние детали, отражающие порой черты характера, например, у Юрия («Великий стол») - рыжие волосы - указание на хитрость. Обращается внимание на такие детали облика княжича, как «разбойные глаза», «рыжая голова». Последняя деталь будет присутствовать в дальнейшем практически при любом упоминании о Юрии. Она, по всей видимости, повторяется для установки акцента автором на основных его чертах, которые большею частью негативны. Достаточно вспомнить

фольклор. Создавая сказки о животных, народ антропоморфировал такие качества как хитрость, изворотливость в рыжей лисе (сказки «Лиса и журавль», «Лисичка-сестричка и волк»). Потому уже в детстве Юрий умел угождать («прошения» к матери о живом коне), лукавить. Портретными деталями Алферия-юноши («Великий стол» – «Отречение»), будущего митрополита Алексия («Лобастая голова», «островатый подбородок», «родниковые глаза»¹⁹) подчеркиваются такие его черты как воля, целеустремленность, понимание предназначения своего чему-то высшему. Потому в молитве он мешает «священные слова с теми, что рвались из сердца»²⁰, потому уже в двенадцать лет он желает оградить себя от всего, присущего этому возрасту, чувствуя необходимость готовить себя к великому: «как-то отходил, отстранялся сердцем от всего мирского ... и от игр сверстников, порою злых и жестоких, - и тут же судил себя за резвость, за отлучки во время занятий...»²¹.

Еще одна устойчивая деталь портрета Алексия – медленная речь, будто бы митрополит вслух читает священные книги. Такая манера говорения заставляет собеседника не только слушать, но и внимать каждому слову. А это, имея в виду заслуги Алексия перед Отечеством, часто помогало ему достигать поставленных целей, как в дипломатических переговорах, так и вообще, во всех государственных делах.

Дмитрий Балашов всегда следует традиционному способу изображения персонажа, возникшему еще в классической литературе, когда через внешние черты передаются внутренние, когда внешние детали облика детерминированы особенностями поведения.

Оценивают героев часто сторонние наблюдатели, качества персонажей лучше воспринимаются в сравнении с другими, при противопоставлениях (Юрий и Михаил). При воссоздании внешнего и внутреннего облика исторических деятелей писатель обращается к первоисточникам (летописям), к трудам историков; иногда выстраивает «зону образа» героя гипотетически. Но такой подход не всегда успешен и может таить в себе опасность снижения значимости того или иного лица в данную эпоху. Например, образ Дмитрия Донского в «Святой Руси» намеренно снижен, автор романа чрезвычайно пристрастен в показе героев, не скрывает своих симпатий и антипатий. Поэтому князь в произведении Балашова жалок и несдержан, что не соответствует исторической правде²².

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ *Своеобразие нарратологии Д. М. Балашова* исследуются пространственно-временная организация повествования и лексико-стилистические особенности романов.

Как взаимосвязь временных и пространственных отношений, «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время»²³. Эти слова М. Бахтина в большой степени применимы к жанру исторического романа, поскольку в нем огромное значение приобретает именно изображаемый временной период. Давая в работе характеристику пространственно-временной организации повествования Д. М. Балашова, мы сказали о бесконечном многообразии временных координат в художественном произведении. Существует большое количество их классификаций в литературе: образы биографического времени (детство, отрочество, зрелость героя), исторического (характеристики смены эпох и поколений, крупных событий в жизни общества), космического (представления о вечности и вселенской истории),

¹⁹ См., Балашов Д. М. Великий стол. М., 1982, с. 136-141.

²⁰ Там же, с. 141.

²¹ Там же, с. 141.

²² См., например, Серова Н. «Два Дмитрия: романый и летописный» // Север, 1993, № 8.

²³ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 234-235.

календарного (времени года), суточного (утро, день, вечер, ночь), а также представление о соотносительности прошлого, настоящего и будущего. Как уже было сказано ранее, прием ретроспекции порождает у Балашова прием проспекции. Писатель воссоздает движение исторического времени, чтобы глубже понять качественные изменения сегодняшнего дня и спрогнозировать будущее.

Теория Льва Гумилева о «пассионарности» позволяет говорить об огромной значимости и необходимости изображения временного периода XIII-XV вв. Корень слова «пассионарность» латинский и означает «страсть». Каждый этнос, испытав в своё время подъём с появлением «пассионарных особей», проходит определённый путь, длящийся шесть веков (1200-1400 лет). Затем происходит срыв (надлом), когда внутри народа накапливаются противоборствующие элементы и нация начинает уничтожать самое себя. Если выйти из этого «надлома», то можно попасть в состояние «золотой осени» (термин Л. Гумилёва), то есть спокойной жизни, создания культуры и терпимых средств существования.

В XIV веке, как верно замечает Балашов-историк, сильнее и активнее русские люди, пассионарии, создавали и укрепляли единую Русь. Первая половина XV века проверила эту конструкцию на излом. Конструкция выдержала напряжение, оказалась прочной, благодаря таким людям, как Юрий Дмитриевич, герой романа «Юрий». И Юрий, и другие выдающиеся деятели этого столетия сумели противостоять Литве, сумели не допустить католической экспансии на Русь, сумели не дать поработить свою страну Западом.

Время XIII-XV вв. характеризуется подъемом пассионарности, появлением пассионарных личностей. Пассионарии не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Таковы Даниил Московский, Михаил Тверской, Иван Калита, Дмитрий Донской и др.

Так Данила держится в стороне от братских междоусобиц, когда каждый из братьев норовит выделиться, никто не хочет сплотиться. Даниле достаётся небольшая, ещё малоизвестная Москва, он прилагает все усилия для её последующего возвышения.

В романе «Великий стол» Д. М. Балашов описывает известную, одну из самых неспокойных и драматических ситуаций на Руси, положенную в основу сюжета произведения. Это «едва ли не самый трагический «сюжет» в истории русского средневековья»²⁴.

Иван Калита («Бремя власти»), будучи пассионарием, делает Москву центром новой Руси, но это достигается громадными усилиями, причём не ратными. За серебро, за внешнюю покорность покупает он у хана власть за волюстью, собирает земли, свозит людей, строит храмы и дворцы. Строгий сбор денег для платы хану – залог относительно спокойной жизни Руси, без татарских набегов, без сжигания домов, без напрасных жертв.

Процесс истечения энергии завершился Куликовым полем. По мнению и Гумилёва, и Балашова, выигрыш политический уже не был и нужен: к моменту сражения на Куликовом поле Москва уже выиграла борьбу за главенство среди княжеств. Но произошёл качественный скачок, превративший победу на Куликовом поле из политической победы в духовную.

В «Воле и власти» писатель повествует о последствиях, которые имела для Московского государства Куликовская битва. Время, о котором рассказывает Балашов – «золотая осень», оно «славно и счастливо»²⁵. Центральный персонаж здесь – князь Василий, который «усилил Великое княжение без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство, избыток граждан в областях своих; обогатил казну

²⁴ Юдин В. Сын Отечества. Личность и эпоха князя Михаила Тверского в романе Д. Балашова // Север. 2003. №1-2. С. 159.

²⁵ Карамзин Н. М. Предания веков. Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М., 1989, с. 378.

доходами; уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым»²⁶.

Закрепляя в тексте создаваемую модель прошлого, автор обычно скрывается за объективированным образным слоем повествования, не пытаясь обнаружить своё присутствие. Такая форма рассказывания, по наблюдениям исследователей²⁷, была доминирующей вплоть до середины 1960-х годов. В дальнейшем единообразие объективированного стиля расшатывается в силу широкого распространения произведений, синтезирующих объектно-образные и субъектно-публицистические формы изложения. Это привело к усложнению хронотопа, к совмещению в рамках единого текста двух временных пластов: историко-сюжетного и современно-авторского.

Произведения новгородского цикла выдержаны в традиционном стиле, без какой-либо заметной модификации структуры повествования. В них преобладает изображение. Интерес к новому стилистическому принципу возник у художника в связи с обращением к теме возвышения Московского княжества. В «Младшем сыне» уже имеются фрагменты, в которых собственно художественное изображение прерывается авторской декларацией. В повествовании о русском средневековье появляется голос учёного-мыслителя в виде комментариев и историко-философских сентенций. Но количество таких эпизодов невелико, значимость их в раскрытии идейно-художественного содержания романа не столь ощутима. По всему видно, что писатель делает первые пробы в создании формы романа с открытым авторским присутствием.

Авторские отступления, вошедшие в романы «Государей Московских», мы разделили на группы по принципу преобладания в них тех или иных признаков, соответствующих характеру этих групп. С определёнными допущениями мы можем сгруппировать отступления по тематическому принципу: исторические (преобладает сугубо историческая тематика); философские (ставятся философские вопросы); морально-этические (размышления в связи с соответствующими проблемами); культурологические (рассуждения по поводу различных явлений культуры). Важнейшие из них были проанализированы нами в диссертации.

В «Младшем сыне» практически нет авторских отступлений. Немногочисленные примеры, которые можно было бы отнести к таковым, представляют собой очень короткие историографические заметки (о городах (Кострома, Новгород Великий и др.), о князьях (Андрей, Даниил и т.д.).

Историческими экскурсами богаты страницы почти всех романов «Государи московские». Но они повествуют не об одних эпохальных событиях. Автор от фактов истории свободно может перейти к рассказу о секретах зодчества. Пример такого отступления мы нашли в «Бремени власти». Балашов рассказывает о деле колокольного лития, о том, что это вовсе не просто – создать колокол.

Отступление культурологического типа о восприятии древними времени как цикла есть в романе «Симеон Гордый»²⁸. Приводя примеры святочных обрядов (перседевания, «личины» (на Руси), карнавализация (на Западе) и т. п.), Балашов подчёркивает, что, совершая их, человек обращался к природе с просьбами различного характера – о хорошем урожае и т. п.

Публицистическое отступление, занявшее десятую главу романа «Юрий», по объёму, и по стилистике мы назвали небольшим историческим исследованием. Здесь Дмитрий Балашов оставляет на время перо романиста и выступает как историк с ярко выраженной гражданской позицией. Писатель высказывает несколько соображений по поводу: «Ну а ежели бы Витовт добился своего и завоевал Русь?»²⁹. После прорисовки

²⁶ Там же, с. 378.

²⁷ См., Жанузаков М. Н. Голос историка в повествовательной структуре романов Д. М. Балашова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1988. №6. С. 16-22.

²⁸ См., Балашов Д. М. Симеон Гордый. М., 1988, 207-209.

²⁹ Балашов Д. М. Юрий. М., 2006, с. 105.

возможных по этой причине поворотов истории России, Балашов снова и снова говорит об опасности выбора для страны пути развития, ориентированного на Запад.

Иногда авторские отступления приобретают вид рассуждения по поводу различных философских вопросов. В романе «Ветер времени» Балашов, проясняя для себя и лучше раскрывая читателю образ монгольского хана-отцеубийцы Бердибека, размышляет вообще о людях, совершивших убийство.

В последних романах серии авторских отступлений становится все больше. Так, в «Отречении» они встречаются довольно часто, в «Святой Руси», возможно, даже слишком часто, что придает произведению некоторую публицистичность. А это, на наш взгляд, лишает его полноты художественности, присущей предыдущим романам.

Городские пейзажи в произведениях цикла также имеют большое значение. Например, Москва в романе «Младший сын» не просто *locus*; это действующее лицо. Воссоздается широкая и точная в историческом смысле панорама города, а вместе и панорама Руси.

Основное значение пейзажа состоит в том, что посредством его усиливается пафос величия Руси.

Аллегорическое значение ветра как символа надвигающихся перемен или катаклизмов встречается во всех романах «Государей московских». Особенно прямо это эксплицируется в произведении «Ветер времени». Здесь слово «ветер» воспринимается как метафора времени. Во вступлении к роману так и предлагается интерпретировать эту лексическую единицу.

М. М. Бахтин в «Формах времени и хронотопа в романе»³⁰ указывал на то, что приметы изображаемой эпохи являются компонентом хронотопа. Потому в исследовании мы касаемся и этого момента. Образцы культуры русского Средневековья постоянно присутствуют на страницах «Государей Московских». В диссертационном исследовании мы обратили внимание на отображение в романах серии такой особенности русской средневековой культуры, как остаточные явления языческих верований среди людей, принадлежащих к различным племенам (например, меря) и занимающих различные территории. Надо заметить, что после принятия христианства духовная жизнь на Руси определялась явлением, которое принято обозначать как «православно-языческий синкретизм»³¹. Дмитрий Балашов в романе «Младший сын» показал пример такого сосуществования элементов языческих и христианских верований. Брат Даниила Московского Андрей некоторое время был в гостях у ростовского князя Дмитрия Борисовича. На прогулке, проезжая верхом мимо Чудского конца Дмитрий показал место, где находился древний идол - бог Велес, и рассказал легенду о том, что этот каменный идол, долго стоявший у княжеского дворца, во время большого пожара сам вышел из пылающего храма и пошел по берегу. Андрей спросил тогда, по какой дороге шел идол, на что Дмитрий ответил снисходительной улыбкой. Этот эпизод романа ясно показывает, что языческие архетипические представления сохранились не только в сознании простого народа, но и в сознании князей, несмотря на их образованность.

Искусству в произведениях цикла «Государи московские» уделяется большое место. В романе «Святая Русь», например, кроме изображения самих художников, рисуются картины того, что ими создано. Причём, необязательно, чтобы это была, к примеру, роспись Собора Феоданом Греком. Повествователь гораздо чаще описывает произведения неизвестных русских зодчих.

Изографы на страницах романов вступают в полемику, рассуждая о сходстве и различии русской и западной манеры икононого письма. Так, в «Великом столе» спор возник по поводу изображения на иконах Георгия Победоносца. Надо сказать, что

³⁰ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе*. // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 234-235.

³¹ Введение христианства на Руси / Отв. ред. А. Д. Сухов. М., 1987, с. 263.

Святой Георгий в христианских и мусульманских преданиях – воин-мученик, с именем которого фольклорная традиция связала реликтовую языческую обрядность весенних скотоводческих и отчасти земледельческих культов и богатую мифологическую топику, в частности мотив драконоборчества.

Диспуты по философским или религиозным вопросам чаще всего возникают в произведениях в связи с именами митрополитов, особенно Алексия, а также в связи с именем Сергия Радонежского. В эпизодах с участием последнего, в беседах его с другими персонажами находим отголоски различных религиозных представлений. Например, в романе «Бремя власти» очень важен спор Варфоломея и Стефана о божественной сущности, раскрывающий авторские мысли по поводу некоторых аспектов христианской веры.

Роман «Ветер времени» содержит в себе массу идей, перекликающихся с идеями исихазма, а порой непосредственно взятых из этого учения. Так, например, мысли, высказываемые автором о фаворском свете, естественно связаны с представлениями исихастов. Постигнуть можно не Бога, но истекающие из него энергии света, эманации.

В произведениях цикла «Государи московские» отображаются характерные для XIV века духовные и религиозные искания людей, в частности, священнослужителей. Диспуты, возникающие между богословами, наполнены в это время чаще всего разнообразными сентенциями по поводу идеологии исихастов. Особое место в спорах принадлежит рассуждениям о Григории Паламе, византийском богослове, идеологе исихастов.

В исторических романах Д. М. Балашов использует многие приёмы устного художественного слова и, в частности, обращения к слушателям, ораторские восклицания, непосредственное выражение личных чувств и настроений.

Весь пролог романа «Младший сын» – это по сути прозаическое изложение «славы», исполняемой князю Александру Невскому, той самой песенной «славой», что часто упоминается в летописях и народной поэзии, когда всё написанное как бы проверяется на слух.

Возникают определённые фольклорные типы – враги земли русской. Они страшны и коварны, но в то же время смешны и карикатурны: «Эти взъёрренные, нечеловеческие, сладострастно-жестокие лица, нет, личины, хари, морды зверей», олицетворяющие жадность, предательство, насилие и грабежи, надругательства над верою»³².

Как в волшебной сказке «своему» миру противостоит «чужой» («иной») мир, так и в романах Балашова доброму миру Московской Руси противостоит «иной» мир «ловцов ханской милости». «Свой мир» – это трудолюбивые люди, живущие в мире с соседями, любя ближних своих, это холмистая равнина Великой Руси.

Народная поэзия календарного цикла представлена у Балашова в романе «Младший сын» песней «Уж мы вьём, вьём бороду...»³³. Подобные песни пелись на праздник Успения, который ознаменовывался окончанием жатвы. По старому общерусскому обычаю на поле оставляли небольшую горсть несрезанных колосьев, перевязывали их лентой – «завивали бороду» – и приговаривали: «Дай бог, чтобы на другое лето был хороший урожай!». После этого пели:

Уж мы вьём, вьём бороду

У Гаврилы на поли...

Принципиально важное значение придаёт Балашов русской свадьбе – многоступенчатому обряду – и свадебной поэзии как носителю устойчивых начал национальной жизни³⁴.

³² Балашов Д. М. Великий стол. Петрозаводск. 1991.

³³ Там же, с. 375.

³⁴ Далее по материалам: Скаковская Л. Н. Функция фольклора в пространственно-временной организации исторической прозы Д. Балашова и В. Пиккуля. В кн.: Скаковская Л. Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века. Тверь, 2003, с. 99-113.

Неоднозначно отношение персонажей – в первую очередь исторических деятелей – к народным обычаям, к обряду свадьбы. Свадьба Александра Невского («Младший сын») описана скупом, без необходимых этапов целостного свадебного обряда. Князь Андрей накануне свадьбы, не соблюдая обряд, бросается к невесте; его одолевает похоть, он не может по достоинству оценить счастье земной любви. Потому и говорит автор «Младшего сына»: «Семейная жизнь не заладилась у Андрея».

Как видим, свадебный обряд – средство изображения характера: именно Андрей положил начало междоусобицам, стремясь отнять ярлык на великое княжение у своего старшего брата – князя Дмитрия.

Отметим типичность свадебных песен на примере славословия, звучавшего на свадьбе Симеона и Айгусты:

Выбегало-вылетало тридцать три корабля,

Ой, рано, ой, рано, ой, рано мое!

Присутствие существительного «корабль» как символа одновременно «отплытия» молодых из родительского дома и последующего движения их друг с другом вместе по жизни. Один корабль – «с удалым молодцом», другой – «со невестою своей, со Настасьей-душой». Характерный эпитет «удалой» очерчивает стереотип мужского поведения в патриархальном обществе: мужчина всегда защитник, доминанта. Также это определение указывает на такие качества жениха как молодость, «удаль». В сочетании «со Настасьей-душой» видим тот же прием устного народного творчества, как и в переяславской песне, помещенной в текстах романов «Младший сын», «Симеон Гордый», «Святая Русь», «Воля и власть».

Но всё же, связь с фольклором, столь чётко различимая в остальных романах цикла «Государи Московские», в последних произведениях, на наш взгляд, несколько ослабевает. Глубинное единение с народной поэзией на интуитивном уровне сохраняется всегда, но собственно фольклорных текстов здесь гораздо меньше, чем, например, в том же «Младшем сыне».

Пейзажные зарисовки, сопровождаемые характерной ритмикой устной речи, риторическими восклицаниями, прямыми обращениями к читателю, служат не только фоном, но и сами играют активную роль в развитии сюжета (в «Младшем сыне», например, ветер, который «жалуется, и зовёт, и не даёт уснуть, и тревожит» и т. п.).

Как известно, «специфицирующий» предмет романного жанра, создающий его стилистическое своеобразие, – говорящий человек и его слово³⁵. По мысли М. Бахтина, которую мы взяли на вооружение, «Особый язык в романе – всегда особая точка зрения на мир, претендующая на социальную значимость»³⁶. Эта «социальная значимость» для повествования Д. Балашова определяется процессом создания единого русского языка, а вместе с тем – объединения русских земель и русских людей.

В произведениях цикла «Государи Московские» Балашов реконструирует язык, который становится похожим на язык летописей и даже сохраняет следы различных древних диалектов. Учёные разделяют лексику романов цикла (к примеру, в «Симеоне Гордом»), на группы по тем или иным типологическим признакам³⁷. Колорит времени передаётся терминологическими словами: «киlicheи», «пря». Эти слова даются без пояснения, но, тем не менее, они вполне понятны по общему контексту повествования. Следующая группа – цитируемая лексика (например, цитирование фрагмента грамоты новгородского владыки Василия Калики, адресованной Симеону Гордому, в котором сообщается о требовании шведского короля Магнуса); окказионализмы (слова и формы, по виду и смыслу являющиеся современными, но структурно недостаточные). Диалектные слова составляют третью группу («невступные» и т. п.). Придерживаясь этого принципа, мы также делаем попытку дать лексическую классификацию

³⁵ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 145-149.

³⁶ Там же.

³⁷ Тарланов З. Художественное постижение истории // Север. 1986. №4. С. 100-110.

нарратологии Балашова, представляемую в диссертации для удобства анализа в виде таблицы.

Итак, мы согласились с З. Тарлановым в отношении того, что первая группа слов, составляющих лексикон романов Д. Балашова, это термины, значение которых понятно из контекста. Во вторую группу слов мы внесли некоторые изменения, а именно выделили в отдельный класс окказионализмы, как лексику индивидуально-авторскую («голубень», «красуля»). В эту группу, кроме того, мы отнесли старославянскую лексику, встречающуюся на страницах произведений крайне часто, и разделили ее на подгруппы в соответствии с видами слов: фонетические (содержащие в своем составе сочетания, указанные в таблице) – «град», «лодка», «возжаждать», «единожды»; словообразовательные (содержащие в структуре особые суффиксы и приставки) – «бредущий», «возроптать»; стилистические (обладающие некоторым оттенком книжности) – «поприще», «лик». Старославянизмы употребляются Балашовым с целью колоритного изображения эпохи, а также для создания эффекта торжественности в определенных эпизодах романов. Но вообще, подобная лексика не может не использоваться в исторических книгах, повествующих о времени, когда старославянский язык был общим письменным языком для всего славянства. Писатель в своем цикле рассказывает как раз об этом периоде русской истории.

Третью группу образуют диалектные слова, которые, как и старославянские, составляют три подгруппы: лексические (местные наименования общезвестных предметов), фонетические (совпадающие по значению с соответствующими словами литературного языка, но незначительно отличающиеся от них звуковым составом) и словообразовательные (отличающиеся от литературных словообразовательными морфемами). Такая лексика («отай», «щего», «натъ») используется Балашовым для передачи особенностей речи жителей Рязани, Пскова или Новгорода. С ними постоянно контактируют главные герои романов, а также второстепенные персонажи.

В пятую группу входят формы речи, характерные для фольклора. Это, в основном, модели-повторения («волей-неволей», «деды-прадеды»), указывающие на близость балашовских романов произведениям устного народного творчества.

И современная русская лексика – это последняя (шестая) группа.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся общие итоги диссертации.

Заявленная в «Младшем сыне» тема необходимости союза русских земель с центром в Москве развивается в остальных произведениях Д. М. Балашова.

Реставрируя фрагменты жизни романных героев, писатель обращается к материалам источников (летописи, труды различных исследователей и т.п.), иногда сам домысливает тот или иной отрывок жизни персонажа. Дмитрий Балашов, изображая государственных деятелей истории в своих произведениях, создавая структурную целостность книг «Государей московских», пользуется выверенными на протяжении всего цикла, художественными приемами и средствами (прием опосредованной характеристики, акцентирование повторяющейся детали и др.).

Явления русской средневековой культуры представлены во всех произведениях цикла очень широко и многообразно. Помимо изображения архитектурных памятников, или уже завершенных, или еще строящихся, в романах Балашова большое внимание уделяется мастерству иконописи, приводятся образцы древней русской и переводной литературы. Интересуют романиста и другие явления и предметы искусства (например, судьба тверского колокола, о которой рассказано в «Бремени власти»). Дмитрий Балашов, описывая произведения искусства прошлого, не только руководствуется летописными фактами, но широко пользуется и современными источниками. Помимо летописей, сборников актов, грамот, писатель использовал и данные археологических материалов, и историко-архитектурные исследования. Особое значение он придавал работам Ю. Спегальского (о зодчестве), В. Янина, Д. Лихачева, К. Успенского (эстетика Византии), В. Тиненгаузена (о Золотой Орде), Л. Гумицёва.

Произведения о московских государях пропитаны народным духом, очень тесно связаны с фольклором. Это сказывается не только в изображении свадеб в каждом романе. Автор ведет своеобразный диалог с народом, представлены практически все фольклорные жанры. Обращение писателя к народному творчеству, к древнерусской литературе во всех романах цикла в очередной раз позволяет говорить о цельности «Государей Московских».

Историческая эпоха, воспроизведенная в «Государях Московских», имеет существенное значение в становлении русской государственности. Сильные личности, сумевшие добиться объединения княжеств, появились именно в это время.

Авторские отступления достаточно разнообразны. Здесь и исторические, и философские, психологические и другие размышления. Самое главное, что они присутствуют во всех произведениях многокнижия без исключения и в совокупности представляют собой одну из особенностей монолитного свода.

Создавая речевое единство романов «Государей Московских», автор ни в коем случае не занимается калькированием старинных слов и оборотов. Балашов идёт не от лексики, а от мысли и чувства тогдашнего человека, рождённых тогдашней же ситуацией.

Все названные факторы позволяют говорить о том, что свод романов Д. Балашова – художественное, философское, историко-этнографическое, речевое единство.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Меркушов С. Ф. Русь Святая в изображении Д. М. Балашова и в хрониках (Сергий Радонежский, Алексей и др.) // Слово. Вып. 3. – Тверь, 2005. – С. 103-105.
2. Меркушов С. Ф. Философские диспуты в цикле романов Д. М. Балашова «Государей московские» // Слово. Вып. 5. – Тверь, 2007. – С. 103-107.
3. Меркушов С. Ф. Образ князя Юрия в романах Д. М. Балашова «Младший сын» и «Великий стол» // Известия РГПУ. Аспирантские тетради. № 32 (70). – СПб., 2008. – С. 226-229. (публикация осуществлена в издании, входящем в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ).
4. Меркушов С. Ф. Православно-языческий синкретизм в романах Д. М. Балашова «Младший сын» и «Симеон Гордый» // Вестник ТвГУ. Сер. 9 (филология). № 28 (56). – Тверь 2008. – С. 159-162.
5. Меркушов С. Ф. Реконструкция языка летописей и древних диалектов в романах Д. М. Балашова цикла «Государей московские» // Русский язык и литература в современном культурном, информационном и образовательном пространстве. – Тверь, 2008. – С. 125-129.

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 14.10.2008. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 349.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

